

A-5116

Аннот. 135

Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

ВЪЗРАСТНОЕ И ПЕЧАТНОЕ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. П. АВЕТАРИУСА.

Съ 12 портретами и рисунками.

Цѣна 45 коп.

Издание книжнаго магазина П. В. Луковникова.

С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2.

1914.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ П. В. ЛУКОВНИКОВА,

С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2,

продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Книги П. Инфантьева:

Жизнь народовъ Россіи.

КНИГА I. *Содержаніе:* Полярный Робинзонъ.—Охотники за горбачами.—Мурманскіе зуйки.—Дѣти-сироты.—Злая Кереметь.—Собака Хозяина горъ.—Женитьба Пакангура.—Сухая бѣда.—Съ 78 рис.

КНИГА II. *Содержаніе:* Тигръ-людоедъ.—Маленькій купецъ.—Первобытныя грамотки.—Дочь шуленги.—Въ Амурской тайгѣ.—Соперники.—Жертва вогула.—Чары шамановъ.—Чувашская свадьба.—Тамыръ.—Съ 68 рис.

Цѣна каждой книги 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Отдѣльные рассказы изъ книги П. Инфантьева:

Полярный Робинзонъ (изъ жизни эскимосовъ). Съ 11 рис., ц. 20 к.
Охотники за горбачами (изъ жизни бурятъ). Съ 11 рис., ц. 15 к.
Мурманскіе зуйки (изъ жизни поморовъ). Съ 12 рис., ц. 15 к.
Злая Кереметь (изъ жизни чувашъ). Съ 6 рис., ц. 11 к.
Дѣти-сироты (изъ жизни остяковъ). Съ 6 рис., ц. 15 к.
Собака Хозяина горъ (изъ жизни гиляковъ). Съ 12 рис., ц. 15 к.
Женитьба Пакангура (изъ жизни камчадаловъ). Съ 8 рис., ц. 13 к.
Сухая бѣда (изъ жизни вотяковъ). Съ 5 рис., ц. 14 к.
Тигръ-людоедъ (изъ жизни гольцовъ). Съ 6 рис., ц. 11 к.
Маленькій купецъ (изъ жизни якутовъ). Съ 8 рис., ц. 12 к.
Первобытныя грамотки (изъ жизни юкагировъ). Съ 10 рис., ц. 15 к.
Дочь шуленги (изъ жизни карагасовъ). Съ 7 рис., ц. 11 к.
Соперники (изъ жизни ороchonъ). Съ 5 рис., ц. 13 к.
Въ Амурской тайгѣ (изъ жизни тунгусовъ). Съ 6 рис., ц. 14 к.
Жертва вогула и Чары шамановъ (изъ жизни вогуловъ). Съ 9 рис., ц. 17 к.
Чувашская свадьба (изъ жизни чувашъ). Съ 6 рис., ц. 14 к.
Тамыръ (изъ жизни крещеныхъ туркменъ и хивинцевъ). Съ 13 рис., ц. 17 к.

Въ папкѣ каждая книжка на 10 коп. дороже.

На родинѣ первыхъ людей. Приключенія двухъ гимназистовъ въ Средней Азіи. Съ 27 рис., ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 рубль.

Всѣ книги П. Инфантьева допущены Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. низш. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

A-5116

Пров. 52

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. П. Авенариуса.

Съ 12 портретами и рисунками.

ПРОВ. 1937

Цѣна 45 коп.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.

Спб., Лештуковъ пер., 2.

1914.

М. Ю. А. МОНТОР.

ЕПОЛВАЧЕВЪСКИ ДАКЕР

М. Ю. А. МОНТОР.

МОНТОР

I.

Какъ въ жилахъ Карамзина, Жуковского и Пушкина текла отчасти иноплеменная кровь, такъ точно и Лермонтовъ, этотъ ближайшій и достойнѣйшій, но рано погибшій преемникъ Пушкина, вель родъ свой, по мужскому колѣну, изъ чужихъ краевъ — изъ Шотландіи. Шотландскій историкъ XVI вѣка, Боэцій, повѣствуетъ, что король Малькольмъ, короновавшись 25-го апрѣля 1061 года, щедро одарилъ землями вельможъ, храбростью своею содѣйствовавшихъ ему побѣдить Макбета. Въ числѣ награжденныхъ былъ и шотландецъ Лермонтъ (Leir-mont), придавшій это прозвище одному изъ дарованныхъ ему помѣстьевъ.

Двѣсти лѣтъ спустя (1286 г.), шотландскій бардъ-пророкъ — Томасъ Лермонтъ — предвѣщалъ своему королю, Александру III, скоростижную смерть, — и на слѣдующій же день король былъ сброшенъ испуганнымъ конемъ въ пропасть. Развалины замка Томаса Лермонта видны и донынѣ на берегахъ Твида. Знаменитый романистъ Вальтеръ-Скоттъ, проведеншій дѣтство по близости отъ тѣхъ развалинъ и построившій впослѣдствіи тамъ же свой роскошный замокъ Абботсфордъ, воспѣлъ Томаса

Лермонта въ балладѣ, въ трехъ частяхъ, «Томасъ-поэтъ».

Одинъ-то изъ потомковъ этой родовой семьи, Юрій Андреевичъ Лермонтъ *), въ началѣ XVII вѣка переселился сперва въ Литву, а оттуда перешелъ на службу молодого царя московскаго Михаила Ѳеодоровича. Послушною грамотою царскою, отъ 9-го марта 1621 года, поручикъ Юрій Лермонтъ былъ пожалованъ восемью деревнями и восемью же пустошами въ Чухломской «осадѣ» Костромскаго намѣстничества. Отъ этого Юрія Лермонта по прямой линіи происходитъ нашъ русскій поэтъ, какъ наглядно видно изъ слѣдующей его родословной:

- Юрій Андреевичъ Лермонтъ, поручикъ въ 1621 г.; ротмистръ въ 1633 г.
- Петръ Юрьевичъ, въ 1656—57 гг. воевода въ Саранскѣ.
- Евтихій (Юрій) Петровичъ, стряпчій въ 1679 г., стольникъ въ 1686 г.
- Петръ Евтихіевичъ (Юрьевичъ), упоминается подъ 1698 г.
- Юрій Петровичъ.
- Петръ Юрьевичъ.
- Юрій Петровичъ, род. въ 1787 г., отставной капитанъ.
- Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, поэтъ, 1814—1841 г.

*) Въ первой русской грамотѣ на имя Ю. А. Лермонта фамилія его неправильно написана Лермантъ; въ послѣдующихъ же грамотахъ этого семейства а перешло опять въ о: Лермонтовъ.

Никогда самъ не видавъ Шотландіи, поэтъ нашъ не разъ тосковалъ по ней. Въ стихотвореніи своемъ «Гробъ Оссіана», прямо называя Шотландію «своею», онъ говоритъ, что духъ его летитъ туда, къ могилѣ великаго барда—

„Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!“

Въ другомъ стихотвореніи—«Желаніе»—онъ хотѣлъ бы «степнымъ ворономъ» умчаться «на Западъ», къ «пустому замку предковъ на туманныхъ горахъ», гдѣ «на древней стѣнѣ виситъ ихъ наслѣдственный щитъ, заржавленный мечъ и шотландская арфа».

„Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы:
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

„Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!..“

II.

Свѣдѣнія о родителяхъ Михаила Юрьевича довольно скудны. Относительно его отца (изъ указа объ отставкѣ) видно только, что тотъ былъ выпущенъ въ 1804 г. изъ кадетъ 1-го кадетскаго корпуса въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ, въ походахъ и штрафахъ не бывалъ, а 13 декабря 1811 г., 24-хъ лѣтъ отъ роду, за болѣзнь уволенъ отъ службы при томъ же 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ чиномъ капитана. Собою Юрій Петровичъ Лермонтовъ, какъ рассказываютъ, былъ блондинъ-красавецъ, весельчакъ, добрякъ, но человѣкъ «пустой, странный и даже худой». Въ имѣніи родственниковъ своихъ, Арсеньевыхъ (селѣ Васильевскомъ, Тульской губ.),

онъ случайно познакомился съ возвращавшеюся изъ Москвы въ свою пензенскую деревню Тарханы богатою помѣщицею, «вдовствующей гвардіи поручицею», Елиза-

Юрій Петровичъ Лермонтовъ

(отецъ поэта).

ветою Алексѣвною Арсеньевою, и 17-ти-лѣтнею дочерью ея—Марьею Михайловною. Старушка Арсеньева, мечтавшая всегда видѣть свою единственную дочь заму-

жемъ за какимъ-нибудь богачомъ и аристократомъ, очень неблагоприятно относилась къ этому новому поклоннику дочери, бѣдному, неродовитому отставному офицеру. Но,

Марія Михайловна Лермонтова

(мать поэта).

противъ ея воли и воли всей аристократической родни, бракъ все же состоялся. Со 2-го на 3-е октября 1814 г. у молодыхъ супруговъ родился сынъ, окрещен-

ный М и х а и л о м ъ, воспріемницей котораго была, разумѣется, бабушка его, Елизавета Алексѣевна. Предоставивъ зятю управленіе Тарханами, Арсеньева поручила новорожденного внука здоровой кормилицѣ изъ своихъ

М. Ю. Лермонтовъ

около 1823 г.

крѣпостныхъ — Лукерья Алексѣевна, и боннѣ-нѣмкѣ — Христина Осиповна Ремеръ. Всегда нервная, хрупкая здоровьемъ, молодая мать будущаго поэта, Марья Михайловна, далеко не была счастлива съ мужемъ. Ее на-

ходили часто въ слезахъ. и единственнымъ ея утѣшеніемъ было фортепьяно, за которымъ она сидѣла по часамъ съ малюткой своимъ на колѣняхъ. Играя, она плакала. и унаслѣдовавшій ея нервность ребенокъ плакалъ вмѣстѣ

Елизавета Алексѣевна Арсеньева
(бабушка М. Ю. Лермонтова).

съ нею. Не было мальчику и 3-хъ лѣтъ, какъ бѣдная мать его скончалась отъ злой чахотки (24 февраля 1817 г.). Отецъ, давно не ладившій съ тещей, вскорѣ послѣ похоронъ жены, укатилъ навсегда изъ Тарханъ,

оставивъ маленькаго сына временно на рукахъ старушки-бабушки, которая, какъ женщина и при томъ съ большими средствами, естественно, лучше безпріютнаго вдовца-отца могла воспитать ребенка.

Елизавета Алексѣевна Арсеньева была высокаго роста, строгаго вида, осанистая старуха, съ павною, умною рѣчью; ходила, опираясь на трость, и всѣмъ говорила «ты». Только съ любимцемъ-внукомъ она забывала свою строгость. Вся родня называла ее «бабушкою», а товарищи ея внука по юнкерской школѣ, въ Петербургѣ, дали ей въ послѣдствіи прозвище «Мары Посадницы».

Когда маленькій Мишель сталъ подростать, отецъ неоднократно требовалъ у тещи возвращенія ему сына; но Арсеньева и слышать объ этомъ не хотѣла, и свиданія между отцомъ и сыномъ происходили только изрѣдка и урывками. 17-ти лѣтъ Мишель лишился отца, и что утрата эта была ему тяжела, видно изъ слѣдующихъ строфъ, посвященныхъ его памяти:

„Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть...
...Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья...
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ...”

Но сильно серчать на бабушку за такое отчужденіе его отъ отца Лермонтовъ не могъ: милая старушка души въ немъ не чаяла и исполняла всякую его прихоть.

Привольно жилось мальчику въ Тарханахъ,—и, много лѣтъ спустя, среди шумной и пестрой толпы столичной, передъ нимъ вдругъ воскресало его беззаботное дѣтство:

„И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя всѣ мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернуть спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ

M. Lepicoussé

внука для укрѣпленія здоровья на кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ они съѣхались съ родною сестрою бабушки, Екатериною Алексѣевною Хостатовою, жившею обыкновенно въ своемъ кавказскомъ имѣніи Шелковина, на Терекѣ. За неустрашимость свою Хостатова заслужила у сосѣдей названіе «авангардной помѣщицы». Дикіе горы нерѣдко дѣлали ночныя набѣги на Шелковина, но старушка-владѣлица, пробужденная набатомъ, спрашивала только: «Горитъ, что-ли?». На отвѣтъ же, что черкесы пошаливаютъ, она преспокойно поворачивалась на другой бокъ и опять засыпала. Разказы безстрашной тетки, а еще болѣе природа Кавказа, дикая и величавая, произвели на десятилѣтняго Лермонтова уже въ ту раннюю пору жизни неизгладимое впечатлѣніе. Кавказу посвящено имъ одно изъ первыхъ его стихотвореній, каждый куплетъ котораго оканчивается словами: «Люблю я Кавказъ».

III.

Но вотъ настала пора отдать Мишеля въ настоящую школу. Когда мальчкѣ стукнуло 15 лѣтъ, бабушка перебралась съ нимъ въ Москву. вмѣсто уволеннаго между тѣмъ м-г Капэ, ихъ сопровождалъ французъ-же Жандро, почтенный полковникъ наполеоновой гвардіи, попавшій въ 1812 году въ плѣнъ къ русскимъ, да такъ и оставшійся съ тѣхъ поръ въ Россіи. Изъ всѣхъ своихъ учителей Лермонтовъ болѣе всего привязался къ добродушному, начитанному Жандро. Его же вліянію надо приписать ту симпатію, которую питалъ поэтъ всегда къ Наполеону и Франціи, воспѣтымъ имъ во многихъ стихотвореніяхъ («Наполеонъ», «Бородино», «Воздушный корабль», «Послѣднее новоселье» и проч.).

Рѣшено было помѣстить Мишеля въ университетскій

благородный пансіонъ (въ которомъ, кстати сказать, воспитывались прежде такіе корифеи нашей литературы, какъ Фонвизинъ, Жуковскій, князь Одоевскій, Грибодовъ). Для болѣе вѣрнаго успѣха, приготовить туда мальчика былъ приглашенъ извѣстный педагогъ Зиновьевъ, состоявшій надзирателемъ въ Хитрово, русскій и французскаго языковъ. Лермонтовъ дѣйствительно (въ послѣдній) классъ получилъ пансіонеромъ: бабушка не хотѣла спускать своего любимца съ глазъ и ежедневно сама отвозила его въ пансіонъ, и точно такъ-же пріѣзжала опять за нимъ.

Тѣмъ временемъ Жандрѣ, простудившись, заболѣлъ чахоткой и умеръ. Репетиторомъ къ молодому Лермонтову былъ приставленъ сперва ученый еврей Леви, а вскорѣ затѣмъ англичанинъ Виндсонъ, который познакомилъ своего воспитанника впервые съ Шекспиромъ и Байрономъ, но не могъ замѣнить ему покойнаго Жандрѣ.

Ученіе въ университетскомъ пансіонѣ шло вообще удовлетворительно. Особенное вниманіе обращалось на древнихъ и новыхъ классиковъ. Профессоромъ русской словесности былъ извѣстный въ свое время писатель Мерзляковъ. Онъ старался пріохотить мальчиковъ къ литературѣ, устраивалъ нарочно чтенія, заставлялъ ихъ писать на урокахъ стихи и поощрялъ ихъ даже издавать свой собственный рукописный журналъ. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ вкладчиковъ этого журнала сдѣлался Лермонтовъ.

Еще на 12-мъ году жизни Лермонтовъ получилъ отъ бабушки довольно обѣемистую тетрадь въ французскомъ голубомъ переплетѣ, съ золотымъ орнаментомъ, и обшитая золотымъ шнуромъ, переплетеннымъ во французскія литеры «M. I. L». (Тетрадь эту, такъ-же какъ и нѣсколько послѣдующихъ, можно видѣть и теперь въ Публичной библіо-

текѣ, въ Петербургѣ). Въ началѣ тетради идутъ разные выписки изъ французскихъ авторовъ; потомъ слѣдуютъ «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина и «Шильонскій узникъ» Жуковского. Очевидно, эти двѣ поэмы: одна — навѣянная Байрономъ, другая — переведенная изъ Байрона, особенно пришлись по душѣ отроку Лермонтову. Затѣмъ, въ тетрадяхъ его, среди разныхъ виньетокъ, головокъ, картинокъ (потому что Лермонтовъ, какъ сказано, охотно также рисовалъ) появляются уже наброски собственныхъ его мыслей, мелкія стихотворенія и отрывки не то оригинальныхъ, не то подражательныхъ поэмъ: «Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ» *) (куда цѣликомъ вошло немало стиховъ изъ одноименной поэмы Пушкина), «Корсаръ», «Преступникъ». Если въ этихъ поемахъ преобладаетъ вліяніе Пушкина и Байрона, то слѣдовавшія въ 1829 г. быстро одно за другимъ подражанія Шиллеру, а также переводы изъ него («Три вѣдьмы», «Встрѣча», «Кубокъ», «Перчатка» и др.) показываютъ, какъ въ то время онъ увлекался великимъ нѣмецкимъ поэтомъ.

Все эти опыты были, конечно, дѣтски-слабы. и Мерзляковъ (приглашенный давать Лермонтову уроки на дому) относился къ нимъ со снисходительнымъ пренебреженіемъ:

— Молодо-зелено. — говаривалъ онъ, не подозрѣвая, что имѣетъ передъ собою будущаго знаменитаго поэта.

Принимая близко къ сердцу такое невниманіе къ его молодой музѣ, самолюбивый и нервный Лермонтовъ еще болѣе, быть можетъ, досадовалъ на старика-профессора

*) Тетрадь, въ которой помѣщена эта поэма, озаглавлена печатными буквами: „Кавказскій плѣнникъ, сочиненіе М. Лермонтова. Москва 1828 г.“. Заглавный листъ украшенъ виньеткой, представляющей лиру между двухъ вѣнковъ, по обѣ стороны отъ которыхъ по стрѣлкѣ: внизу написано: „Черкесы“; подъ этимъ нарисована груда ядеръ, а еще ниже — накрестъ сложенные пистолеты.

за его враждебность къ Пушкину, талантъ котораго Мерзляковъ не признавалъ, такъ какъ принадлежалъ самъ къ старой: державинской школѣ. Долго не могъ забыть Лермонтовъ, какъ однажды профессоръ сталъ проницательно разбирать въ классѣ только-что появившееся въ печати новое стихотвореніе Пушкина «Зимній вечеръ» («Буря мглою небо кроетъ») и раскритиковалъ его въ пухъ и прахъ.

IV.

Кромѣ поэзіи, Лермонтовъ рано сталъ выказывать большую склонность ко всѣмъ вообще искусствамъ. Будучи въ пансіонѣ, онъ рисовалъ уже очень мило и игралъ хорошо какъ на фортепьяно, такъ и на скрипкѣ. Зиновьевъ, обучавшій его вмѣстѣ съ его товарищами декламации, рассказываетъ, какъ Лермонтовъ отличился на пансіонскомъ актѣ 1828 года: «Среди блестящаго собранія онъ произнесъ стихи Жуковского «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ-же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ, въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ».

«Весело было смотрѣть, какъ онъ торжествовалъ — рассказываетъ по поводу того-же экзамена одна его хорошая знакомая (Сушкова-Хвостова). — Зная его чрезмерное самолюбіе, я ликовала за него. Смолоду его грызла мысль, что онъ дурень, нескладенъ, незнатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ-бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное — никому въ этомъ не быть обязану, кромѣ самого себя».

Но, будучи на хорошемъ счету у начальства, поэтъ нашъ, насмѣшливый и придирчивый, не былъ любимъ пансіонскими товарищами, прозавшими его «лягушкой».

На второй годъ своего пребыванія въ пансіонѣ, 16-ти-лѣтній Лермонтовъ сдѣлалъ знакомство, которое послужило ему впослѣдствіи благодарнымъ матеріаломъ не только для многихъ прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, но и для знаменитаго его романа «Герой нашего времени». Въ домѣ родственниковъ своихъ, Верещагиныхъ, онъ встрѣтился съ дѣвицами-аристократками Сушковыми, изъ которыхъ старшая, Екатерина Александровна, или, какъ ее звали тогда, Катя (вышедшая затѣмъ за Хвостова), оставила весьма любопытныя записки. Описываетъ она Лермонтова, какъ «неуклюжаго, косолапаго мальчика, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой».

Самой Катѣ Сушковой было тогда уже 18 лѣтъ, и потому вполне понятно, что съ 16 лѣтнимъ школьникомъ, который притомъ былъ малаго роста и казался оттого еще моложе, она обходилась какъ съ «мальчикомъ».

«Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ,—рассказываетъ она: — но учебныя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньи и на вечерахъ. Всѣ его называли просто Мишель, и я такъ же, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки: но перчатки онъ часто затеривалъ, и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности».

Сушковой и на умъ не могло придти, что этотъ мальчикъ сочинялъ уже поэмы, что онъ пробуетъ приспособить «Цыганъ» Пушкина къ оперѣ, что въ головѣ у него роится нѣсколько драмъ. Такъ, по прочтеніи романа Шатобріана «Атала», онъ задумалъ трагедію объ американскихъ краснокожихъ, угнетаемыхъ испанцами: удѣльный

періодъ русской исторіи подаль ему мысль для драмы «Мстиславъ Черный»: римская исторія навела его на двѣ новыя драмы — «Марій» и «Неронъ». Но всѣ эти сюжеты должны были отойти на задній планъ передъ трагедіей «Испанцы», которую внушило ему семейное преданіе, будто бы фамилія Лермонтовыхъ происходитъ отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лерма, бѣжавшаго изъ Испаніи въ Шотландію. Наконецъ Шиллеровы «Разбойники» и «Коварство и Любовь» вдохновили его къ драмѣ «Menschen und Leidenschaften» («Люди и Страсти»), темой для которой послужила собственная его семейная жизнь, а именно борьба изъ-за него, Мишеля, между бабушкой и отцомъ.

Учебныя занятія, а еще болѣе неопытность пера не дали начинающему поэту совладать ни съ однимъ изъ перечисленныхъ сюжетовъ. А тутъ вдругъ, по Высочайшему повелѣнію, пансіонъ при университетѣ былъ закрытъ, и самое заведеніе переименовано въ гимназію. Лермонтовъ подаль просьбу объ увольненіи, и бабушка стала подумывать уже о томъ, чтобы отвезти его доканчивать образованіе за границу; но дѣло не устроилось, и юноша поступилъ въ Московскій университетъ.

Настало лѣто 1831 года. Арсеньева съ внукомъ осталась гостить близъ Москвы, у родственниковъ своихъ Столыпиныхъ, въ селѣ Средниковѣ. Въ трехъ верстахъ оттуда, въ имѣніи своемъ Большаковѣ, проводили лѣто Сушковы, а въ полутора верстахъ отъ послѣднихъ жили и Верещагины.

«Въ деревнѣ я наслаждалась полной свободой, — говоритъ Катя Сушкова: — Сашенька (Верещагина) и я по нѣскольку разъ въ день ѣздили и ходили другъ къ другу, каждый день выдумывали разныя parties de plaisir: катанья, кавалькады, богомолья... По воскресеньямъ мы ѣзжали къ обѣднѣ въ Средниково и оставались на цѣлый

день у Столыпиной. Вчужь отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова: не нахвалятся, бывало, не налюбуется на него... Сашенька и я—мы обращались съ Лермонтовымъ какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности: онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія! А мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ».

Въ отпоръ, вѣроятно, подобнымъ насмѣшкамъ, Лермонтовъ написалъ въ альбомъ Катѣ Сушковой извѣстные прекрасные стихи:

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой.
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой...“ и т. д.

Но Сушкова по-прежнему видѣла въ немъ только полуребенка и продолжала потѣшаться надъ нимъ.

«Еще болѣе подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ (говорить она), что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ: телятину или свинину, дичь или барашка. Мы говорили, что, пожалуй, онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжники. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ

въ утонченности своего гастрономического вкуса. Мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ надѣлѣ. И въ тотъ-же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ—съ опилками! И что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель, не поморщась, проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ и третью; но Сашенька и я—мы остановили его за руку, показывая въ то-же время на неудобосваримую для желудка начинку. Тутъ не-на-шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ».

Къ этому времени относятся слѣдующія строки Лермонтова (отъ 7 іюня 1831 г.) къ пріятелю его, Поливанову:

«Любезный другъ, здравствуй! Протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ... Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы. Я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры: *source intarissable* (неизсякаемый ключъ). Много со мной было...»

Уединяясь отъ своихъ обидчицъ-барышень, онъ старался забыться въ изученіи Байрона, Гёте, Руссо, усердно переводилъ поэмы перваго изъ нихъ, работалъ надъ оригинальною поэмою «Демонъ» и надъ большою романтической драмою въ прозѣ «Станный человѣкъ», въ предисловіи которой говоритъ: «Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ. Почти всѣ дѣйствующія лица писаны мною съ природы; но тѣ, кои могутъ узнать, съ кого они взяты, едва-ли откроютъ это міру. Читатель, вѣрно, пожалѣетъ о судьбѣ

молодого человека, который подавалъ столь блистательныя надежды и отъ одной безумной страсти навсегда потерянь для общества...»

— «Молодо-зелено», — повторила-бы вѣроятно за Мерзляковымъ Катя Сушкова, если-бы вообще знала о существованіи новой драмы.

И точно: будь молодой человекъ такъ несчастливъ, какъ онъ минутами воображалъ себя, онъ не утѣшался-бы такими ребячествами, какъ ночныя прогулки съ юношей-сосѣдомъ Лаптевымъ въ самодѣльныхъ папочныхъ рыцарскихъ латахъ по разнымъ «страшнымъ» мѣстамъ: по кладбищу, къ развалинамъ старой башни, къ такъ-называемому «Чортову мосту»; не сталъ-бы, по возвращеніи оттуда, пресерьезно воспѣвать свою неустрашимость:

„Спокоенъ я. Душа пылаетъ
Отвагой. Ни мертвецъ, ни бѣсъ—
Ничто меня не испугаетъ“.

Въ это-же лѣто, благодаря семинаристу Орлову, молодому учителю двоюроднаго брата Лермонтова, Аркадія Столыпина, поэтъ впервые познакомился съ русскими народными былинами, по образцу которыхъ 6 лѣтъ спустя, написалъ свою превосходную былевую поэму изъ временъ Іоанна Грознаго: «Пѣсня про купца Калашникова».

V.

До окончательнаго переѣзда осенью изъ Средникова въ Москву, Столыпина, Арсеньева съ внукомъ и сосѣди ихъ — Сушковы и Верещагины — собрались на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру. На монастырской паперти попался имъ слѣпой нищій, которому въ деревянную его чашечку всякій изъ нашихъ богомольцевъ бросилъ мелкихъ денегъ.

— Пошли вамъ Богъ счастія, добрые господа! — по-

желалъ имъ сѣпецъ. — А вотъ намереніи приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, — насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камешковъ. Богъ съ ними!

По возвращеніи изъ лавры, проголодавшіяся барышни засуетились около обѣденнаго стола: Лермонтовъ-же, стоя на колѣняхъ передъ стуломъ, быстро писалъ что-то карандашемъ на клочкѣ сѣрой бумаги. Всѣ ушли уже за ботвинью, окликали его, — онъ ничего не слышалъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ пола, тряхнулъ головой и, уѣвшій на свободный стулъ противъ Кати Сушковой, подалъ ей черезъ столъ стихотвореніе, начинающееся словами:

„У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подающа...“

Звучные стихи до того понравились молодой барышнѣ, что съ этого времени она перемѣнила свое обращеніе съ авторомъ: онъ какъ-бы выросъ въ ея глазахъ, и она стала называть его часто уже *Михиломъ Юрьевичемъ*.

Зимою, уже студентомъ, Лермонтовъ по-прежнему почти каждый вечеръ встрѣчался то здѣсь, то тамъ съ Верещагиными и Сушковыми, участвуя съ ними во всевозможныхъ играхъ и особенно отличаясь въ стихотворныхъ экспромптахъ и каламбурахъ.

Такъ, однажды затѣялась у нихъ игра, гдѣ про каждаго изъ присутствующихъ поочередно остальные должны были высказывать свое мнѣніе. Дошла очередь и до одного родственника Лермонтова, нѣкоего *Ивана Яковлевича*. Послѣдній имѣлъ рыжіе волосы и былъ извѣстенъ своею глупостью. И вотъ Лермонтовъ, не задумываясь, брякнулъ:

— Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot, et cependant vous n'êtes point Jean-Jacques Rousseau *).

*) „Вы—Иванъ, вы—Яковлевичъ, вы рыжи, вы глупы, и тѣмъ не менѣе вы не Жанъ-Жакъ Руссо“.

Немного погодя, одна гостя-барышня стала упрашивать поэта написать ей въ альбомъ хоть строчку правды. Лермонтовъ отпѣкивался; но та не давала ему покоя. и онъ потребовалъ перо и бумагу.

Барышня, любопытно глядя ему черезъ плечо. увидѣла, что онъ пишетъ: «Три граціи» — и остановила его:

— Михайлъ Юрьевичъ! прошу безъ комплиментовъ: я правды хочу.

— Не тревожьтесь, — отвѣчалъ онъ: — будетъ правда.

И на альбомномъ листкѣ появилась извѣстная теперь всѣмъ эпиграмма:

„Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!“

Неудивительно, что злая шутка довела обиженную до слезъ; но подружки ея за то цѣлый вечеръ фыркали отъ душившаго ихъ смѣха.

Насколько успѣшно шли университетскія занятія Лермонтова — въ точности неизвѣстно. Общую-же характеристику своей университетской жизни поэтъ дѣлаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Изъ пансіона скоро вышелъ онъ.
Наскуча все твердить азы да буки;
И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! Помню, какъ сквозь сонъ.
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры...
Бывало, только восемь бьетъ часовъ.
По мостовой валить народъ ученый,
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ. Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяясь чинно.
Онъ книги взялъ, раскрылъ, прочелъ — шумятъ;
Уходитъ — втрое хуже. Сущій адъ!..
По сердцу Сашѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая“.

Одно несомнѣнно, что Лермонтовъ отнюдь не былъ

«зубрилой» или кабинетнымъ ученымъ: съ толпой товарищей, такихъ-же жизнерадостныхъ повѣсь-барчуковъ, какъ и самъ. онъ почасту ѣздилъ въ Сокольники, въ Петровскій, въ Марьину-Рошчу. Описывая въ неоконченной своей повѣсти «Княгиня Лиговская» молодость своего любимого друга, Печорина, Лермонтовъ, между прочимъ, говоритъ, что «Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ-руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ *la bande joyeuse...*» (веселая банда).

Такъ именно была окрещена одною московскою барышнею Б. веселая студенческая компанія, въ которую попалъ Лермонтовъ.

Два года всего пробылъ онъ въ Московскомъ университетѣ. Одинъ изъ профессоровъ его имѣлъ обыкновеніе начинать всякую лекцію словами:

— Человѣкъ, который...

Однажды, когда профессоръ съ этими-же словами взошелъ опять на кафедру, студенты со смѣхомъ хлопнули въ ладоши:

— Fora! прекрасно!

Профессоръ начиналъ говорить нѣсколько разъ, но шалуны всякій разъ прерывали его тѣмъ-же крикомъ.

— Господа! я вынужденъ буду уйти... — сказалъ профессоръ.

— И прекрасно! — былъ общій отвѣтъ. — Человѣкъ, который... bis! прекрасно!

Профессоръ удалился; но нѣкоторые изъ буяновъ заплатились и должны были оставить университетъ. Въ числѣ ихъ былъ и Лермонтовъ.

VI.

Легко представить себѣ огорченіе бабушки нашего поэта. Какъ ни тяжело было ей разстаться съ Москвою, но она рѣшилась принести дорогому внуку эту жертву, чтобы дать ему окончить курсъ наукъ. Онъ, дѣйствительно, послалъ въ Петербургъ прошеніе о приѣмѣ его въ тамошній университетъ. Но тамъ потребовали отъ него вторичнаго вступительнаго экзамена, и раздосадованный юноша махнулъ на науку рукою. Что было ему теперь дѣлать? Идти въ «подъячіе» (какъ называли въ то время чиновниковъ) не позволялъ ему его дворянскій гоноръ, и, вотъ, несмотря на протестъ и молебны бабушки, онъ остановилъ свой выборъ на военной карьерѣ.

Лѣтомъ 1832 г. Арсеньева лично отвезла его въ Петербургъ, гдѣ внукъ ея однако сперва не могъ освоиться съ новыми условіями жизни. Въ августѣ этого года онъ писалъ одной московской пріятельницѣ (С. А. Бахметевой):

«...Я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній!.. Преглуное состояніе человѣка то, когда онъ долженъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей: быть своимъ шутомъ!.. Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ, я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ NN, гдѣ, просидѣвъ 4 часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ,—быть можетъ, слава Богу!

« ...Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу, хочу печали,
Любви и счастья на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ,
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

«И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами. храня театральнѣйшій видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда нибудь...»

Вслѣдъ затѣмъ (въ письмѣ къ московской кузинѣ, Сашенькѣ Верещагиной), онъ капризно жалуется на петербургскихъ родственниковъ и вообще на тамошнее общество:

«Назвать тебѣ всѣхъ, у кого я бываю? Назову—себя, потому что у этой особы бываю я съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться: но, подъ конецъ, нашелъ, что самый лучшій мнѣ родственникъ — это я самъ. Видѣлъ я образчики здѣшняго общества, дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ съ перваго раза можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ всякое различіе между деревьями».

Заключаетъ онъ письмо такъ:

«Прощай; не могу больше писать. Голова кружится отъ глупостей. Мнѣ кажется, по той же причинѣ и земля вертится вотъ уже 7000 лѣтъ...»

Третье письмо того-же времени онъ кончаетъ словами: «Все люди, такая тоска; хоть-бы черти для смѣха попадались!»

Безъ особыхъ затрудненій принятый въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (помѣщавшуюся тогда у Синяго моста, въ великолѣпномъ зданіи, бывшемъ потомъ дворцомъ вел. княгини Маріи Николаевны, а въ настоящее время занятомъ Государственнымъ Совѣтомъ и Совѣтомъ министровъ), Лермонтовъ уже нѣсколько серьезнѣе сталъ раздумывать о своемъ будущемъ.

«До сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго (писалъ онъ въ Москву къ М. А. Лопухиной), принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я — вопию. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія: быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія... Я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ, и затѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ...

„Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
„Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый:
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ,—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!“

Въ дѣйствительности, никакихъ особенныхъ превратностей судьбы юноша-поэтъ еще не испыталъ; но его впечатлительная, эстетическая, глубокая натура не удовлетворялась мелочными интересами большинства, и онъ томился, безотчетно тосковалъ о чемъ-то лучшемъ и — рисовался этою поэтической тоскою.

Товарищами Лермонтова въ юнкерской школѣ была молодежь высшаго столичнаго круга, между прочимъ и любимый двоюродный братъ его — Алексѣй Аркадіевичъ Столыпинъ, извѣстный въ школѣ подъ прозвищемъ «Монго» (по принадлежавшей ему собакѣ), и Лермонтовъ тамъ наружно скоро обжился, тѣмъ болѣе, что по успѣхамъ былъ однимъ изъ первыхъ.

По увѣренію одного изъ товарищей его (Миклашевскаго), жилось будущимъ воинамъ привольно; офицеры обращались съ ними по-товарищески, и никто изъ юнкеровъ за два года не подвергся никакому взысканію. По субботамъ великій князь Михайлъ Павловичъ бралъ къ себѣ во дворецъ къ обѣденному столу по очереди двухъ пѣхотинцевъ или двухъ кавалеристовъ. Хотя тѣ и другіе помѣщались въ разныхъ этажахъ, и пѣхотныхъ подпорщиковъ юнкера называли «крупую», но въ свободные часы «кавалерія» нерѣдко забиралась въ небольшую рекреационную залу «пѣхоты», потому что тамъ имѣлся разбитый старый рояль, подъ звуки котораго хоромъ распѣвались веселыя французскія шансонетки, особенно пѣсни Беранже. Душою этихъ собраній былъ пѣхотинецъ, острякъ и повѣса Костя Булгаковъ (сынъ московскаго почтъ-директора). Лермонтовъ вторилъ ему ѣдкими шутками и удачными каламбурами, при чемъ не жалѣлъ при случаѣ и самого себя: въ получавшемся юнкерами парижскомъ карикатурномъ журналѣ «*Charivari*» описывались, напримѣръ, походы косолапаго уроды «*Monsieur Maucoux*», и Лермонтовъ прозвалъ себя «*Маёшкой*».

Военная среда осталась не безъ вліянія на литературномъ направленіи начинающаго поэта. Множество нескромныхъ стихотвореній его нашли мѣсто въ рукописномъ журналѣ юнкеровъ «Школьная Заря». Но здѣсь же, въ юнкерской школѣ, имъ написаны двѣ поэмы: «Измаилъ-бей» (1832 г.) и «Хаджи-абрекъ» (1833 г.), хотя и представляющія еще подражаніе Пушкину, но отличающіяся уже самобытными поэтическими красотами и, въ особенности, живописными картинками дикой кавказской природы. Однако, очень строгій къ себѣ, Лермонтовъ ни одного стихотворенія своего еще не рѣшился выпустить въ печать. Только въ 1835 г. «Хаджи-абрекъ»

появился въ «Библіотекѣ для чтенія», да и то безъ вѣдома автора, по милости одного изъ его пріятелей.

Когда-же спрашивается, находилъ Лермонтовъ время при классныхъ занятіяхъ и строевомъ ученіи писать еще цѣлыя поэмы? «По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій (передастъ одинъ изъ его товарищей), поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ...»

Такъ въ беззаботномъ, задорномъ повѣсѣ - юнкерѣ вырабатывался вдумчивый талантъ, смутно сознававшій свое высокое призваніе.

Послѣ перваго-же года пребыванія въ юнкерской школѣ, Лермонтовъ порывался уже на волю, не могъ дожидаться окончанія «школьнаго» положенія.

«Одно меня ободряетъ — мысль, что черезъ годъ я офицеръ! — писалъ онъ въ августѣ 1833 г. въ Москву. — И тогда, тогда... Боже мой! Если-бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О! это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и — поэзія, залитая шампанскимъ...»

VII.

И вотъ, ожиданія его осуществились. Въ концѣ 1834 г. онъ былъ выпущенъ въ царскосельскіе лейбъ-гусары. Каковъ былъ Лермонтовъ въ первые дни своего офицерства, въ живыхъ краскахъ описываетъ случайно встрѣтившійся съ нимъ тогда В. П. Бурнашевъ:

«Подходя уже къ дверямъ квартиры Синицына, я почти столкнулся съ быстро сбѣгавшимъ съ лѣстницы и жестоко гремѣвшимъ шпорами и саблею по каменнымъ ступенямъ, молоденькимъ гвардейскимъ гусарскимъ офицеромъ въ треугольной, надѣтой съ поля шляпѣ, бѣлый

перистый султанъ которой развѣвался отъ сквозного вѣтра. Офицеръ этотъ имѣлъ очень веселый, смѣющійся видъ человека, который сію минуту видѣлъ, слышалъ или сдѣлалъ что-то пресмѣшное. Онъ слегка задѣлъ меня длиннымъ кашпономъ своей распахнутой и почти распущенной сѣрой офицерской шинели съ краснымъ воротникомъ и, засмѣявшись звонко на всю лѣстницу (своды которой усиливали звуки), сказалъ, вскинувъ на меня свои, довольно красивые, живые, черные какъ смоль глаза, принадлежавшіе однако лицу блѣдному, нѣсколько скуластому, какъ у татаръ, съ крохотными тоненькими усиками и съ короткимъ носомъ, чуть-чуть приподнятымъ:

«—Извините мою гусарскую шинель, что она лѣзетъ безъ спроса цѣловаться съ вашимъ гражданскимъ хитономъ.

«И продолжалъ быстро спускаться съ лѣстницы, все по-прежнему гремя ножнами сабли, не пристегнутой на крючекъ».

Войдя къ своему знакомому Синицыну, рассказчикъ засталъ его въ возбужденномъ состояніи.

«—Я, вы знаете, люблю, чтобъ у меня все было въ порядкѣ, самъ за всѣмъ наблюдаю (говорилъ тотъ); а тутъ вдругъ, откуда ни возьмись, влетаетъ къ намъ товарищъ по школѣ, курить, сыплетъ пепель вездѣ, гдѣ понадо, тогда какъ я ему указываю на пепельницу, и швыряетъ окурки своихъ проклятыхъ трабукосовъ *) въ мои цвѣточные горшки, и какъ нарочно выбралъ-же онъ рододендронъ, а не другое что, и забавляется, разбойникъ этакій, тѣмъ, что суетъ окурки въ землю. и не то, чтобы только снаружи, а расковыриваетъ землю, да и хоронитъ. Ну, далеко-ли до корня? Я ему резонъ го-

*) Толстыя пахитосы въ маисовой соломѣ.

ворю, а онъ заливается хохотомъ! И при всемъ этомъ безъ милосердія болтаетъ, лепечетъ, рассказываетъ, декламируетъ самые скверные французскіе стишонки, тогда какъ самого-то Богъ награди́лъ замѣчательнымъ талантомъ писать истинно-преlestные русскіе стихи. Такъ, небось, не допросишься, чтобъ что-нибудь свое прочелъ. Капризный змѣенышъ этакій!»

Нѣсколько времени спустя, Бурнашевъ узналъ отъ Синицына, что рододендронъ его отъ лермонтовскихъ трабуковъ дѣйствительно погибъ.

Тогда-же познакомился съ Лермонтовымъ А. Н. Муравьевъ, которому удалось услышать отъ него отрывки «Демона».

«Лермонтовъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ (говоритъ Муравьевъ); живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха...»

Уже въ декабрѣ того-же 1834 г. поэтъ-гусаръ будто начинаетъ разочаровываться въ новомъ своемъ общественномъ положеніи, и жалуется московской кузинѣ:

«Моя будущность, блистательная повидимому, въ сущности пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ либо не выходитъ случая, либо недостаетъ рѣшимости... Когда-то вы облегчали очень сильную горестъ; можетъ, и теперь вы пожелаете ласковыми словами отогнать эту холодную пронию, которая неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно! О! какъ желалъ-бы я опять васъ увидеть, съ вами поговорить: мнѣ благотворны были самые звуки вашихъ словъ. Право, слѣдовало-бы въ

письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо то-же, что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія, выраженіе неподвижной мысли, что-то отзываются смертию...»

Въ изліяніяхъ этихъ слышится по-прежнему еще юношескій напускной пафосъ, но пробивается и искренняя грусть и недовольство настоящимъ.

Наѣзжая изъ Царскаго Села въ Петербургъ, Лермонтовъ, послѣ 4-хъ лѣтъ, увидѣлся тутъ снова съ своей старинной московской знакомкой Екатериной Александровной Сушковой (два года спустя вышедшей замужъ за Хвостова). На 20-ти-лѣтняго гусарскаго корнета, пріобрѣвшаго своимъ стихотворствомъ уже нѣкоторую извѣстность, Сушкова смотрѣла совсѣмъ иными глазами, чѣмъ на прежняго школьника. Подобно другимъ молодымъ барышнямъ, поклонявшимся таланту нашего поэта, она рядилась въ любимые его цвѣта: голубой и бѣлый, вязала ему сувениры, очень охотно танцевала съ нимъ цѣлые вечера и заслушивалась его остроумной болтовни. Но, въ концѣ концовъ, онъ презло подшутилъ надъ нею: написалъ французское анонимное письмо, будто-бы отъ имени какой-то благородной дѣвицы, жестоко имъ обманутой и считавшей долгомъ совѣсти предостеречь отъ него Сушкову. Письмо это, адресованное къ ней, онъ нарочно однако направилъ такъ, что оно попало въ руки ея старшихъ родственниковъ, — и въ домѣ поднялась цѣлая семейная буря. Лермонтову отказали отъ дома, а онъ только посмѣивался про себя. На вопросъ Сушковой, зачѣмъ онъ всѣхъ такъ интригуетъ, — отвѣтъ его былъ:

— Я изготавляю на дѣлѣ матеріалъ для будущихъ моихъ сочиненій.

И точно, исторія знакомства его съ Сушковой-Хвостовой послужила ему впослѣдствіи благодарною темой для его «Героя нашего времени».

Разсказанный сейчасъ эпизодъ, выставлющій характеръ Лермонтова въ столь невыгодномъ свѣтѣ. былъ въ жизни его не единичнымъ. Передаютъ еще, напр., что, посватавшись на Ицербатовой и получивъ ея согласіе, онъ потомъ на колѣняхъ умолялъ свою бабушку протестовать противъ этого брака.

Одинъ изъ біографовъ поэта (профессоръ Висковатый) старается оправдать его тѣмъ, что «творчество сильнѣе личнаго элемента; чѣмъ болѣе зрѣетъ талантъ, тѣмъ шире его твореніе, тѣмъ болѣе оно имѣетъ общечеловѣческій, а не частный интересъ».

VIII.

Въ ту пору не было еще желѣзной дороги изъ Петербурга въ Царское, и старушка Арсеньева, жившая въ Петербургѣ, подолгу не только не видѣла своего вѣтреника-внука, но не получала отъ него и пары строкъ. А между тѣмъ какъ дрожала она надъ нимъ! Имѣя его при себѣ въ Петербургѣ, она всякій разъ, когда онъ уходилъ изъ дома, наскоро благословляла его: не приключилось-бы чего съ нимъ, упаси Господи!

Однажды, на масленицѣ, она убѣдила двоюроднаго брата его, лейбъ-драгуна Колю Юрьева, хотъ силою привезти ей Мишеля изъ Царскаго. Юрьевъ съ упомянутымъ уже выше пріятелемъ Лермонтова, Булгаковымъ, и еще двумя молодыми офицерами на лихой тройкѣ помчались въ Царское Село. Тамъ, на квартирѣ Мишеля-«Маѣшки», жившаго вмѣстѣ съ другимъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Столыпинымъ-«Монго», они застали «гусарщину» въ полномъ разгарѣ. На скрещенныхъ сабляхъ пылала жженка (сахаръ, облитый ромомъ), а сидѣвшая вокругъ веселая компанія гусаровъ распѣвала хоромъ сочиненную только-что хозяиномъ-поэтомъ застольную пѣсню. Сер-

дечно привязанный къ бабушкѣ, Лермонтовъ принялъ ея посланцевъ съ распростертыми объятіями и тотчасъ собрался ѣхать съ ними, но поставилъ условіемъ, чтобы всѣ гости сопровождали его. Шустрый денщикъ Лермонтова, Ваня, живо стребѣ въ корзину поль-окорока, четверть телятины, десятокъ жареныхъ рябчиковъ и добрый запасъ шампанскаго и другихъ напитковъ. Полчаса спустя, четыре бѣшенныя тройки взапуски летѣли по дорогѣ въ Петербургъ. На серединѣ дороги коренникъ одной тройки упалъ. Кучера принялись оттирать его свѣжимъ снѣгомъ. Въ ожиданіи, пока лошадь совершенно оправится отъ «родимчика», наша военная молодежь устроилась по-домашнему въ стоящемъ у дороги необитаемомъ деревянномъ балаганѣ и, при свѣтѣ бывшихъ съ собой фонарей, принялась за уничтоженіе дорожной провизіи. Для увѣковѣченія этого веселаго бивака, тутъ же были сочинены «нелѣпѣйшіе» стихи и начертаны углемъ на выбѣленной мѣломъ стѣнѣ балагана. Въ стихахъ этихъ перечислялись всѣ участники пикника, но не подъ собственными именами, а подъ псевдонимами: Лермонтовъ назвался россійскимъ дворяниномъ Скотомъ Чурбановымъ, Булгаковъ — Маркизомъ де-Глупиньономъ; затѣмъ слѣдовали: бояринъ Бolvableншти, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, панъ Глупчинскій, синьоръ Глупини, панычъ Дураленко и проч. Наконецъ, можно было опять двинуться въ путь; въ два часа ночи четыре тройки подскакали къ петербургской пограничной гауптвахтѣ. Здѣсь, по правиламъ того времени, надо было предъявить караульному унтеръ-офицеру списокъ въѣзжающихъ въ столицу «по рангамъ и фамиліямъ». Булгаковъ не замедлилъ расписаться за всѣхъ и, вручая листъ, подтвердилъ служивому, чтобы онъ непременно показалъ записку караульному офицеру. Оказалось, что на списокѣ

Бивакъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка подъ Краснымъ-Селомъ.

Рисоваль онато-жъ полка корнетъ Михаилъ Юрлевичъ Дермоновъ, въ 1835 г.

вся компанія красовалась подъ своими дорожными прозвищами. Этотъ фарсъ, какъ и многіе другіе, сошелъ для нашихъ повѣсь благополучно и передавался затѣмъ со смѣхомъ во всѣхъ столичныхъ гостиныхъ.

Приведя такую иллюстрацію беззаботной жизни тогдашнихъ царскосельскихъ гусарь, мы должны, однакоже, оговориться, что отличительной чертой ихъ былъ замѣчательный духъ товарищества: всѣ офицеры горой стояли другъ за друга, и на сколько Лермонтовъ своимъ ѣдкимъ остроуміемъ придавалъ соль вечернимъ сборищамъ гусарь, на столько же двоюродный братъ его, Столыпинъ-Монго, образецъ храбрости, благородства и доброты, поддерживалъ и выгораживалъ всегда честь полка.

А поэтическій талантъ Лермонтова тѣмъ временемъ незамѣтно все росъ да росъ.

Изливать въ стихахъ свои мысли и чувства стало для него уже неодолимою потребностью. Писалъ онъ и на клочкахъ бумаги, и на стѣнахъ, и на переплетахъ книгъ, и на днѣ ящика письменнаго стола. Денщикъ его, Ваня, оказался, былъ такъ-же любитель стиховъ, и всякія такія, написанныя его бариномъ бумажки собиралъ, какъ драгоценность. Увидя у него ворохъ этихъ обрывковъ, Лермонтовъ, смѣясь, ему замѣтилъ:

— Подбѣрай, братецъ, подбѣрай: современемъ большія будутъ деньги платить,—богаты станешь.

На Рождествѣ 1835 г. поэтъ взялъ отпускъ и укатилъ къ бабушкѣ, въ деревенскую глушь, откуда писалъ пріятелю своему Раевскому: «Я теперь живу въ Тарханахъ у бабушки; слушаю, какъ подъ окномъ воетъ метель (здѣсь все время ужасное, снѣгъ въ сажень глубины, лошади вязнутъ и—и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что, въ скобкахъ, весьма пріятно); ѣмъ за четверыхъ... и пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ».

Драма эта — «Маскарадъ». Въ слѣдующемъ 1836 г. имъ были написаны двѣ большія поэмы: одна — «Бояринъ Орша», другая шуточная — «Казначейша», отличавшіяся обѣ необыкновенною легкостью и блестящею отдѣлкою стиха. Кромѣ того, изъ-подъ пера его вышло много мелкихъ стихотвореній, между которыми были пластично-прекрасныя, какъ напр.: «Умирающій гладіаторъ», «Два великана», «Молитва» («Я, Матерь Божія»). Двоюродный братъ поэта, лейбъ-драгунъ Коля Юрьевъ, имѣвшій изумительную память и мастерски читавшій стихи, восторженно прославлялъ по Петербургу молодого стихотворца, и редакторъ «Библіотеки для чтенія», Сенковский, которому Юрьевъ также читалъ одну изъ поэмъ Лермонтова, настоятельно просилъ давать ему все, что напишетъ поэтъ, обѣщая все напечатать. Но Лермонтовъ, еще недовольный своимъ стихомъ, избѣгалъ отдавать себя на судъ читающей публики, и почти не появлялся въ печати. Но въ началѣ 1837 г. имя его разомъ прогремѣло по Петербургу и по Россіи.

IX.

Незадолго до смерти Пушкина. Лермонтову удалось лично познакомиться съ великимъ поэтомъ. Относясь къ личности Пушкина всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ, онъ былъ глубоко возмущенъ, когда, въ январѣ 1837 года, по Петербургу стали распространяться самыя недостойныя клеветы о его кумирѣ. А тутъ, вечеромъ 27 января, разнеслась ужасная вѣсть, что Пушкинъ смертельно раненъ на дуэли, однимъ изъ своихъ клеветниковъ, молодымъ кавалергардомъ, французомъ, барономъ Дантесомъ-Геккерномъ. Лермонтовъ былъ виѣ себя, — и самъ съ горя даже прихворнулъ. Два дня спустя, Пушкинъ скончался; а злые языки все не умолкали и чернили еще тѣнь погиб-

шаго генія. Тогда, въ порывѣ негодованія, Лермонтовъ написалъ извѣстные стихи: «На смерть Пушкина» («Погибъ поэтъ, невольникъ чести»). Благодаря Колѣ Юрьеву, стихи эти въ безчисленныхъ спискахъ разошлись по всему Петербургу. Между тѣмъ, Арсеньева, озабоченная нездоровьемъ ненагляднаго внука, послала за придворнымъ лейбъ-медикомъ Арендтомъ. Тотъ успокоилъ старушку увѣреніемъ, что у молодого человѣка только разстройство нервовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по настоянію больного, долженъ былъ рассказать ему всѣ подробности двухдневныхъ предсмертныхъ мученій Пушкина, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Минутъ десять по отъѣздѣ Арендта, Лермонтова навѣстилъ одинъ родственникъ, блестящій джентльменъ-дипломатъ, и между обоими завязался споръ о Пушкинѣ. Споря и кипятясь, Лермонтовъ нервно чертилъ что-то карандашемъ на листѣ бумаги, то и дѣло ломалъ карандашъ, и, въ заключеніе, крикнулъ гостю:

— Вы, милостивый государь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, если вы сію секунду не уберетесь отсюда!

— Да онъ просто бѣшеный! — сказалъ дипломатъ и поспѣшилъ удалиться.

Лермонтовъ-же взялъ чистый листъ бумаги, перебѣлилъ то, надъ чѣмъ только-что переломалъ нѣсколько карандашей, и прочелъ вслухъ бывшему тутъ-же Юрьеву 16 дополнительныхъ строкъ къ стихотворенію «На смерть Пушкина» («А вы, надменные потомки» и т. д.). Крайне рѣзкіе, но необыкновенно звучные и проникнутые глубокимъ чувствомъ благороднаго гнѣва стихи привели Юрьева въ полный восторгъ. Онъ тотчасъ снялъ съ нихъ нѣсколько копій, развезъ по своимъ друзьямъ, а тѣ въ свою очередь въ новыхъ копіяхъ распространили ихъ между своими знакомыми. Въ два-три дня не было почти дома въ Петербургѣ, гдѣ-бы не имѣлось новыхъ лермонтовскихъ сти-

ховъ. Старушка Арсеньева сильно всполошилась и старалась изъять изъ публички опасные стихи внука, «точно фальшивыя ассигнаціи» (разсказываетъ Юрьевъ); но напрасно: стихи дошли уже и до шефа жандармовъ — и Лермонтовъ былъ арестованъ.

Любопытно для характеристики поэта, что онъ, соскучась ждать возвращенія домой генерала Муравьева, у котораго искалъ защиты, вдохновился видомъ палестинскихъ пальмъ въ образной генерала, и тутъ-же написалъ дышащее такою теплою, спокойною вѣрою стихотвореніе «Вѣтка Палестины».

Въ потребованномъ отъ него письменномъ показаніи, Лермонтовъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ побудительныя причины своихъ стиховъ «На смерть Пушкина»:

«Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу вѣсть о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями. Одни, приверженцы нашего лучшаго поэта, разсказывали съ живѣйшею печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и, наконецъ, принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ; говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ и прочее... Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженного рукою Божіею, не сдѣлавшаго имъ никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго: и врожденное чувство въ душѣ неопытной — защищать всякаго невинно-осуждаемаго — зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе по причинѣ болѣзни раздраженныхъ нервовъ... Наконецъ, послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ, и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое — утѣши-

тельное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на прежнія заблужденія Пушкина, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность его поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества увеличила въ моемъ воображеніи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго... Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное... Правда всегда была моею святыней; и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ ней, какъ единственной защитницѣ благороднаго человека передъ лицомъ царя и лицомъ Божиимъ».

Арестъ молодого автора стиховъ «На смерть Пушкина» всѣхъ болѣе, разумѣется, перепугалъ его бабушку, Арсеньеву.

— И зачѣмъ это я, на бѣду свою, еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишеля литературѣ! — убивалась она: — вотъ до чего онъ довелъ его!

Въ концѣ февраля того-же 1837 г., состоялось распоряженіе о переводѣ корнета лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Михаила Лермонтова прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ, въ Грузіи. Въ мартѣ Лермонтовъ писалъ пріятелю своему, Раевскому (содержавшемуся тогда въ крѣпости за распространеніе лермонтовскихъ стиховъ):

«...Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и если-бы это не было очень лестно, то, право, меня-бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду тебѣ писать про страну чудесъ — Востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: «*Les grands noms se font à l'Orient*» (великія имена создаются на Востокѣ)...

Когда Лермонтовъ, уѣзжая изъ Петербурга, откланивался у своего начальника, то долженъ былъ выслушать слѣдующее наставленіе:

Кавказскій видъ.

Картина масляными красками, работы М. Ю. Дормогова.

— Ваше-ли дѣло писать стихи! Для этого есть поэты, писатели, а вы такой-же благородный человѣкъ, какъ и я.

Подобный взглядъ на поэтовъ былъ въ то время довольно общій.

Х.

Въ маѣ мѣсяцѣ поэтъ нашъ былъ уже съ любимымъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Алексѣемъ Столыпинымъ, на Кавказѣ и, высылая оттуда одной изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ и поклонницъ, шесть паръ черкесскихъ башмаковъ для нея и ея подругъ, писалъ, между прочимъ:

«Я теперь на водахъ, пью и купаюсь,—словомъ, по образу жизни сталъ похожъ на утку... Каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ. Вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ поскучать, покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно толкаюсь по горамъ и уже отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; ни жаръ, ни дождь меня не останавливаютъ... Когда я выздоровѣю и когда здѣсь будетъ Государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ».

Въ Кисловодскѣ его чаще всего видѣли съ хромымъ докторомъ Мейеромъ, остроумнымъ шутникомъ, котораго онъ въ послѣдствіи вывелъ также дѣйствующимъ лицомъ въ «Героѣ нашего времени».

Если самъ Лермонтовъ чуждался теперь людей, то въ Петербургѣ о немъ тѣмъ болѣе говорили. «На него смотрѣли, какъ на жертву, — рассказываетъ Муравьевъ, — и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностію читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія.»

Списки съ «Демона» расходились по рукамъ, а превосходная «Пѣсня про купца Калашникова», допущенная къ печати (въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду») только по особому ходатайству Жуковскаго, принимавшаго самое живое участіе въ молодомъ поэтѣ, возбуждала общее восхищеніе.

О высокомъ достоинствѣ этой поэмы знаменитый критикъ того времени, Бѣлинскій, отзывался самымъ восторженнымъ образомъ: «Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто-бы никогда и не знавалъ другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться — и все нельзя ея довольно наслушаться...»

Усиленные хлопоты старушки Арсеньевой, имѣвшей большія связи въ высшемъ обществѣ, о возвращеніи внука вскорѣ увѣнчались успѣхомъ. На Пасхѣ 1838 года Лермонтовъ, переведенный сперва въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, а вслѣдъ затѣмъ въ прежніе лейбъ-гусары, былъ уже въ Петербургѣ. О томъ, какъ встрѣтило его столичное общество, самъ онъ такъ рассказываетъ одной московской знакомой:

«Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Это, по крайней мѣрѣ, искренно. Весь народъ, который я оскорбилъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ

меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ—отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобы меня убили... Можетъ быть, вы найдете страннымъ — искать удовольствій и скучать ими? Я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ — суетность и самолюбіе. Было время, что я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество, — аристократическія двери были для меня закрыты. Теперь въ это-же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя права свои. Я возбуждаю любопытство: меня ищутъ, всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостинныхъ хотятъ, чтобы я былъ у нихъ, потому что вѣдь я тоже левъ, да, я, вашъ Мишель, добрый малый (*bon garçon*), у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять. Къ счастью, меня выручаетъ природная моя лѣнь, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна: она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, которое непременно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія...»

Между тѣмъ, самъ Лермонтовъ словно не могъ жить безъ высшаго общества, и изъ литераторовъ сходилъ ближе только съ знаменитостями или тѣми, которые принадлежали къ тому-же «обществу».

«Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, было бы довольно странно, — высказался однажды Бѣлинскій, встрѣчавшій поэта въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ»; — но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного

дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою».

«И дѣйствительно, Лермонтовъ, какъ-будто, щеголялъ ею (говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Панаевъ), примѣшивая къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, желаніе показать презрѣніе къ жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ идеаль, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить...»

Описывая наружность Лермонтова, Панаевъ замѣчаетъ, что Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ, и любилъ смущать людей робкихъ и первическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у Краевского (редактора «Отечественныхъ Записокъ») М. А. Языкова. Они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Языковъ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда.

По отзыву полковыхъ товарищей Лермонтова, «у него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость,—и, отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ».

Но за блестящій поэтический талантъ молодому гусару многое прощалось,—за исключеніемъ, впрочемъ, своевольныхъ отступленій отъ казенной формы, за которыя ему не разъ приходилось просидѣвать на гауптвахтѣ. Такъ, весною 1839 г., извѣстный своею требовательностью, великій князь Михайлъ Павловичъ арестовалъ

поэта за то, что тотъ къ разводу надѣлъ чуть не игрушечную саблю, которую великій князь тутъ-же подарилъ присутствовавшимъ при разводѣ маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михайлу Николаевичамъ. Въ другой разъ, на придворный балъ, въ ротондѣ царскосельской Китайской деревни, Лермонтовъ явился съ неформеннымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, и прямо съ бала былъ отправленъ великимъ княземъ подъ арестъ.

XI.

Подобно тому, какъ въ Пушкинѣ, и въ Лермонтовѣ тоже было какъ-бы два существа: простой смертный и вдохновенный поэтъ. Когда въ немъ просыпался поэтъ, изъ-подъ пера легкомысленнаго гусарскаго офицера выливались такія изумительныя по глубинѣ мысли, по изяществу и звучности стиха пьесы, какъ «Дума», «Молитва» («Въ минуту жизни трудную»), «Три пальмы», «Дары Терека». Въ концѣ 1839 г. онъ окончилъ свою чудную кавказскую поэмѣ «Мцыри» и въ то-же время писалъ быстро, одинъ за другимъ, связанные между собою личностью Печорина, превосходные прозаическіе рассказы, вышедшіе затѣмъ однимъ томомъ подъ названіемъ «Герой нашего времени». Темою для рассказа «Бѣла» послужилъ ему случай, бывшій на Кавказѣ съ родственникомъ его Е. Е. Хостатовымъ; для рассказа «Княжна Мери» онъ воспользовался (какъ уже упомянуто) своимъ собственнымъ романомъ съ Сущковой-Хвостовой.

За литературной работой Лермонтовъ сдѣлался вдругъ самымъ неумолимымъ педантомъ: къ каждой строкѣ своей, къ каждому стиху относился крайне строго, что выразилъ необычайно сильно и въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ» («Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ»). Точно такъ-же онъ предостерегалъ отъ увлеченія стихо-

творствомъ молодыхъ людей, не имѣющихъ настоящаго дарованія: стихотвореніе «Мечтателю» («Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой! Какъ язвы, бойся вдохновенья») было написано имъ къ полковому товарищу, А. Л. Потапову (впослѣдствіи генералъ-адъютанту), который благоразумно принялъ совѣтъ и бросилъ упражняться въ безплодномъ стихотворствѣ.

Изложивъ на бумагѣ волновавшіе его поэтическіе образы и мысли, Лермонтовъ обращался опять въ вѣтреника-гвардейца и такимъ-же являлся въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», куда отдавалъ теперь для напечатанія свои произведенія. Отношенія его къ редактору Панаеву рисуетъ очень картинно:

«Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ Краевскому по утрамъ и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Онъ съ шумомъ вбѣгалъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты; подходилъ къ столу, за которымъ глубокомысленно погруженный въ корректуру сидѣлъ редакторъ; разбрасывалъ эти корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ корректурахъ. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его склонности къ порядку и аккуратности, такія шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться; но онъ поневолѣ переносилъ это отъ великаго таланта, съ которымъ былъ на «ты», и, полуморщась, полуулыбаясь, говорилъ:

«— Ну, полно, полно... перестань, братецъ, перестань...

«Краевскій походилъ въ такія минуты на гетевского Вагнера (въ «Фаустѣ»), а Лермонтовъ — на маленькаго

бѣсенка, котораго Мефистофель подсылалъ къ Вагнеру, чтобы смущать его глубокомысліе.

«Когда ученый приходилъ въ себя, поправлялъ свои волосы и отряхалъ свои одежды, поэтъ пускался въ рассказы о своихъ свѣтскихъ походахъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ».

Съ критикомъ своимъ, застѣнчивымъ нелюдимомъ Бѣлинскимъ, Лермонтовъ еще менѣе могъ сойтись, и только однажды, въ февралѣ 1840 г., когда поэтъ, за дуэль съ сыномъ французскаго посланника Барантомъ, былъ посаженъ въ ордонансъ-гаузъ, передъ вторичной ссылкой на Кавказъ, Бѣлинскій по душѣ наговорился съ нимъ.

«Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человека настоящимъ человекомъ! — рассказывалъ Бѣлинскій Панаеву сейчасъ послѣ свиданія своего съ Лермонтовымъ.—Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая? — мы едва-знакомы: общихъ интересовъ у насъ никакихъ... Первые минуты мнѣ было неловко: но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ Скоттъ. «Я не люблю Вальтеръ-Скотта, — сказалъ мнѣ Лермонтовъ: — въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ». И онъ началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе: онъ былъ въ эту минуту самымъ собою.. Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ всегда желалъ его видѣть. И онъ перешелъ отъ Вальтеръ Скотта къ Куперу, и говорилъ о немъ съ жаромъ: доказывалъ, что въ Куперѣ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ, и — что удивило меня — даже съ увлеченіемъ.

Перестрѣлка въ горахъ Кавказа.
Картина масляными красками. работы М. Ю. Лермонтова.

Боже мой! сколько эстетического чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ! Недаромъ-же меня такъ тянуло къ нему... А вѣдь чудакъ: онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самымъ собою!..»

По пути на Кавказъ, Лермонтовъ проѣздомъ остановился въ Москвѣ, и здѣсь, у князя Одоевскаго, увидѣлъ его извѣстный нѣмецкій поэтъ-переводчикъ Боденштедтъ, который такъ описываетъ наружность нашего поэта:

«У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ обронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу, и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки. Гладкіе, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво-очерченныхъ губахъ молодого человѣка. Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ, военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье»...

XII.

Поводъ дуэли Лермонтова съ Барантомъ былъ самый пустой: на балѣ у графини Лаваль они повздорили изъ-за какихъ-то словъ Лермонтова, въ которыхъ тотъ отказался извиниться. Дрались они за городомъ, близъ Парголова, сперва на шпагахъ. Послѣ легкой царапины, которую противникъ нанесъ поэту, они обратились къ

пистолетамъ, но Барантъ промахнулся, а Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ. Тогда враги помирились. Но Лермонтову, какъ русскому офицеру, эта исторія не прошла даромъ: его вторично послали на Кавказъ, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Такой внезапный отъѣздъ за тридевять земель былъ для Лермонтова тѣмъ досадище, что онъ только-что приступилъ къ печатанію въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ своего «Героя нашего времени». Уже на Кавказѣ прочелъ онъ о своемъ романѣ большую критическую статью Бѣлинскаго. Восторгаясь поэтическимъ и искуснымъ изложеніемъ «повѣсти», критикъ замѣчаетъ, что «каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпавшійся по бархату жемчугъ!»

Вскорѣ вышла изъ печати и небольшая книжка стихотвореній Лермонтова. Послѣ Пушкина ни одинъ сборникъ стиховъ не возбуждалъ такого общаго вниманія. Журналы, въ которыхъ Лермонтовъ не печатался, старались, правда, умалить его значеніе; но голосъ Бѣлинскаго заглушилъ опять всѣ остальные. Общія вскорѣ подробнѣе поговорить о новой книжкѣ, Бѣлинскій въ небольшомъ библіографическомъ отзывѣ указывалъ читателямъ «на алмазную крѣпость и блескъ стиховъ» молодого поэта, «на дивную вѣрность и неисчерпаемую роскошь поэтическихъ картинъ». «Кромѣ Пушкина (говорилъ онъ), никто еще не начиналъ у насъ такими стихами своего поэтического поприща и такъ хорошо не олицетворялъ мифическаго преданія объ Ираклѣ, который еще въ колыбели, будучи дитятею, душилъ змѣй зависти»...

Тосковавшая въ своей деревенской глуши по внуку, старушка Арсеньева, все болѣе дряхлѣя и опасаясь, что

никогда уже не увидитъ своего любимца, который между тѣмъ участвовалъ въ битвѣ съ чеченцами подъ Валерикомъ (описанной имъ въ большомъ стихотвореніи), не переставала осаждать просьбами разныхъ высокопоставленныхъ лицъ—дать ей хоть передъ смертью благословить Мишеля. Желаніе ея въ нѣкоторой степени было удовлетворено: поэту разрѣшили отпускъ въ Петербургъ, куда онъ и прибылъ въ февралѣ 1841 года. Но, по причинѣ небывалой распутницы, самой Арсеньевой не было никакой возможности выбраться изъ своихъ Тарханъ, и такимъ образомъ ей, бѣдной, уже не было суждено увидѣть дорогого внука.

По увѣренію извѣстной поэтессы, графини Растопчиной, съ которою Лермонтовъ за три мѣсяца послѣдняго пребыванія своего въ Петербургѣ встрѣчался очень часто, въ высшемъ обществѣ поэта просто на рукахъ носили, и, балуемый всѣми, онъ былъ въ самомъ счастливомъ, шаловливомъ настроеніи духа.

«Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ романъ, подъ заглавіемъ «Штось» (разсказываетъ Растопчина), причемъ онъ рассчиталъ, что ему понадобится по крайней мѣрѣ четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати. Наконецъ, Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадюю подъ мышкою. Принесли лампы, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе. Спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ заманилъ насъ первой главой какой-то ужасной исторіи, начатой имъ только наканунѣ. Написано было около двадцати страницъ, а остальные въ тетради—была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился и никогда не былъ оконченъ».

Когда, послѣ Пасхи, съ окончаніемъ отпуска, Лермонтовъ, такъ и не дождавшись бабушки, долженъ былъ вернуться на Кавказъ, тяжелое предчувствіе вдругъ овладѣло имъ, и весь вечеръ наканунѣ отъѣзда онъ говорилъ о томъ, что скоро погибнетъ насильственной смертію.

Предчувствіе его не обмануло.

XIII.

Поединки, особенно людей военныхъ, въ то время были въ большомъ ходу. А тутъ двоюродный братъ и лучший другъ Лермонтова, Столыпинъ-Монго, побывавъ за границей, привезъ еще оттуда книгу «Manuel du dueliste» («Руководство для дуэлянтовъ»). Книга эта, конечно, была и въ рукахъ Лермонтова, и должна была еще подкрѣпить въ немъ ложное представленіе о «рыцарскомъ» значеніи поединковъ.

Разсказываютъ, что въ Петербургѣ Лермонтовъ просилъ руки одной дѣвицы, Мартыновой, но получилъ отъ отца ея уклончивый отвѣтъ. Взявъ съ собой отъ старика Мартынова письмо къ его сыну, отставному маіору, жившему въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ будто-бы не утерпѣлъ и вскрылъ дорогою письмо, а затѣмъ изорвалъ его, раздосадованный прочтеннымъ. Въ душѣ-же поэта съ этого времени ко всей семьѣ Мартыновыхъ сохранилась затаенная непріязнь.

Къ враждѣ съ маіоромъ Мартыновымъ у Лермонтова оказалось на мѣстѣ, въ Пятигорскѣ, еще другое основаніе. Въ гостепріимномъ домѣ генеральши Верзилиной собиралось все мѣстное офицерство, привлекаемое тремя миловидными дочерьми дома. Въ числѣ поклонниковъ младшей изъ нихъ, 15-ти лѣтней Нади (Надежды Петровны), были такъ же Лермонтовъ и маіоръ Мартыновъ. По наружности, послѣдній имѣлъ большое преимущество

Ири Валерикъ.

Съ акварели М. Ю. Дорманова.

передъ своимъ соперникомъ: онъ былъ высокъ, строенъ и хорошъ собой. Въ цвѣтной черкесскѣ изъ лучшаго чернаго, бѣлаго или сѣраго сукна, съ ловко откинутыми рукавами, въ шелковомъ цвѣтномъ-же архалукѣ, въ молодецкой черной или бѣлой папахѣ, съ длиннымъ чеченскимъ кинжаломъ на серебряномъ поясѣ, онъ былъ, ни дать, ни взять, джигитъ-чеченецъ. Каждый день въ новомъ щегольскомъ нарядѣ онъ являлся всегда какъ-бы новымъ человекомъ, и неудивительно, что молоденькая дѣвушка отдавала ему явное предпочтеніе передъ довольно невзрачнымъ на видъ Лермонтовымъ. Поэта нашего это страшно бѣсило, и онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ передразнивалъ Мартынова, издѣваясь надъ нимъ, чтобы выставить его передъ дѣвушкой въ возможно-невыгодномъ свѣтѣ.

Разъ Мартыновъ надѣлъ на себя, вмѣсто одного, два кинжала. Лермонтовъ не замедлилъ подтрунить надъ нимъ:

— Какъ ты хорошъ, Мартыновъ: точно два горца!

Мартыновъ сдерживался: но наконецъ, какъ говорится, чаша долготерпѣнія его переполнилась. Однажды у Верзилиныхъ были опять танцы. Младшая хозяйская дочка весь вечеръ танцевала съ Мартыновымъ, и до-нельзя раздраженный этимъ Лермонтовъ вовсе отказался отъ танцевъ. Къ концу вечера, сидя за открытымъ ломбернымъ столомъ, за которымъ передъ тѣмъ играли въ карты, онъ сталъ рисовать что-то по зеленому сукну мѣлкомъ. Окончивъ свой рисунокъ, онъ закрылъ крышку стола и, подойдя къ младшей Верзилиной, попросилъ ее взглянуть на рисунокъ. Когда онъ поднялъ передъ нею крышку стола, она увидѣла нарисованную съ большимъ стараніемъ свою собственную хорошенькую, курчавую головку, а рядомъ — мартышку, очень похожую на Мартынова, съ откинутыми по-черкесски рукавами и длиннѣйшимъ кинжаломъ за поясомъ.

— Вы—злой гений и сходите съ ума!—воскликнула дѣвушка:—пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ!

И, въ слезахъ, она убѣжала въ свою комнату. Слѣдившій за обоими, Мартыновъ быстро подошелъ къ лом-

Лермонтовскій гротъ въ Пятигорскѣ.

Съ картины Г. П. Кондратенка.

берному столу; но Лермонтовъ успѣлъ уже стереть рисунокъ и захлопнулъ крышку.

Когда оба затѣмъ вышли на улицу, между ними произошло рѣзкое объясненіе, окончившееся вызовомъ на дуэль.

Но казалось, что и на этот раз дѣло обойдется. Два доброжелателя Лермонтова: полковникъ Мезенцевъ и генералъ князь Голицынъ, при помощи доктора Реброва, успѣли убѣдить поэта на слѣдующее-же утро, для поправленія разстроенныхъ нервовъ, перебраться въ Желѣзноводскъ. Прошло нѣсколько дней. Но тутъ у князя Голицына (15 іюля 1841 г.) былъ назначенъ балъ. Пріятели двухъ враговъ, желая помирить ихъ, устроили такъ, чтобы они въ одно время съѣхались въ нѣмецкую гостиницу въ колоніи между Желѣзноводскомъ и Пятигорскомъ. На бѣду, однако, сами пріятели запоздали, и два врага, встрѣтясь съ глазу-на-глазъ, съ первыхъ-же словъ условились не откладывать уже дуэли. Въ 5 часовъ вечера того-же дня они сошлись на жизнь и смерть подъ Машукомъ. Напрасны были всѣ увѣщанія секундантовъ. Сама природа будто протестовала противъ такого добровольнаго смертоубійства: разразилась гроза. За громовыми раскатами не было слышно выстрѣла Мартынова. Но Лермонтовъ вдругъ вздрогнулъ, покачнулся и, медленно падая, также спустилъ курокъ, причемъ, естественно, промахнулся. Когда же бросившіеся къ упавшему секунданты наклонились надъ нимъ, онъ былъ уже мертвъ. Тѣло его было похоронено сперва у подножія Машука, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, его перевезли въ имѣніе бабушки поэта, Тарханы. Безутѣшная старушка сама только на 85 году жизни успокоилась также навѣки.

Въ то самое время, когда часы Лермонтова были уже сочтены, въ отдаленномъ Петербургѣ, куда не дошла еще вѣсть о его кончинѣ, все образованное общество зачитывалось новою большою критическою статьею Бѣлинскаго, въ которой дѣлалась всесторонняя оцѣнка таланта молодого поэта. Воодушевленный лермонтовскою музою, знаменитый критикъ нашъ ни раньше, ни позже не выска-

зывается съ такимъ увлеченіемъ о высокомъ значеніи поэзіи и поэта. Не можемъ отказать въ удовольствіи и себѣ, и (надѣмся) читателямъ—привести здѣсь, хотя въ извлеченіи, изъ статьи Бѣлинскаго слѣдующія превосходныя строки:

«Поэзія есть выраженіе жизни или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ розу, которая еще лучше и пышнѣе... Весь міръ, всѣ цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни могутъ быть явленіями поэзіи; но сущность ея—то, что скрывается въ этихъ явленіяхъ, живетъ ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игрою жизни. Поэзія — это біеніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце.

«Поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, золова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни... Это—организация воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ — словомъ, глубже чувствуетъ... Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно — слѣдствіе ненасытной жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій... Когда онъ творитъ, — онъ царь, онъ властелинъ вселен-

ной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго; но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи — онъ человѣкъ, но человѣкъ, который можетъ быть ничтожнымъ, но никогда не можетъ быть низкимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ, — который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины — неба.

«Пока еще не назовемъ мы его (Лермонтова) ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ (говорить критикъ въ концѣ статьи) и не скажемъ, чтобы изъ него современнымъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ — Лермонтовъ»...

Увы! тѣмъ Лермонтовымъ, какимъ ожидалъ увидѣть его современемъ Бѣлинскій на-ряду съ Байрономъ, Гёте и Пушкинымъ, поэту не довелось сдѣлаться, потому что молодая жизнь его въ то время уже пресѣклась.

При послѣднемъ проѣздѣ Лермонтова черезъ Москву на Кавказъ, князь Вл. Оед. Одоевскій вручилъ ему записную книжку съ надписью: «Поэту Лермонтову дается эта книга съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее всю исписанную. К. В. Одоевскій. 1841. Апрѣля 13-е».

Только въ декабрѣ 1843 г. князь Одоевскій получилъ обратно свою книжку отъ родственника покойнаго, Хостатова. Въ ней оказалось 12 законченныхъ стихотвореній, перловъ поэзіи, набросанныхъ сперва карандашемъ, а затѣмъ перебѣленныхъ чернилами самимъ поэтомъ. Стихотворенія эти были: «Споръ», «Сонъ», «Утесъ», «Они любили другъ друга», «Тамара», «Свиданіе», «Дубовый листокъ оторвался», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Морская царевна» и «Пророкъ». (Одно французское стихотвореніе.

написанное карандашомъ, до того, къ сожалѣнiю, стерлось, что разобрать его не оказалось никакой возможности).

Не удивительно-ли, что, подобно тому, какъ лебединою

Памятникъ М. Ю. Лермонтова на Пятигорскомъ
городскомъ кладбищѣ.

иѣснью Пушкина былъ его «Памятникъ», такъ и Лермонтовъ, шедшій по стопамъ Пушкина и не успѣвшій еще создать себѣ такого-же вѣковѣчнаго памятника, но уже чуввшій въ себѣ достаточно силъ, чтобы сдѣлаться

народнымъ «пророкомъ», завершилъ свою литературную дѣятельность стихотвореніемъ «Пророкъ»!

По образному выраженію Бѣлинскаго, Лермонтову суждено было «проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія — и исчезнуть во всей красѣ своей». Но и теперь, когда изъ его тогдашнихъ поклонниковъ никого уже въ живыхъ не осталось, нѣтъ въ Россіи ни одного мало-мальски образованнаго человѣка, который не зналъ-бы наизусть «Пророка» и многихъ другихъ стиховъ Лермонтова, неувядаемыхъ по ихъ силѣ и свѣжести, неподражаемому изяществу и безупречной красотѣ.

Въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА,

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, 2.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

Разсказы изъ жизни животныхъ

Э. Томпсонъ-Сетона:

Арно. Хроника почтоваго голубя. Съ 17 рисунками. Цѣна 10 к.
Бедландскій Билли. Волкъ, одержавшій верхъ. Съ 27 рисунками.
Цѣна 15 коп.

Бинго и Вулли. Разсказы о собакахъ. Съ 36 рисунками. Цѣна
15 коп.

Боевой Конекъ. Съ 28 рисунками. Цѣна 13 коп.

Бродячая кошка. Съ 33 рисунками. Цѣна 15 коп.

Виннипегскій волкъ. Съ 18 рисунками. Цѣна 10 коп.

Властелинъ, большой Таллакскій медвѣдь. Съ 90 рисунками. Цѣна
40 коп., въ папкѣ 55 к.

Жизнь сѣраго медвѣдя. Съ 75 рис. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 к.

Исторія одной серебристой лисицы. Жизнь Домино изъ города
Гольдеръ. Со 100 рисунками. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 к.

Кенгуровая крыса.—Почему синица разъ въ году сходится съ
ума.—Чинкъ. Исторія щенка. Съ 35 рис. Цѣна 15 к.

Красношейка. Исторія одной куропатки. Съ 21 рисункомъ. Цѣна
13 коп.

Крэгъ, Кутенейскій баранъ. Изд. 2-е. Съ 47 рисунками. Цѣна 23 коп.

Легенда о бѣломъ оленѣ. Съ 25 рисунками. Цѣна 13 коп.

Лобо, король Курумпо. Съ 20 рисунками. Цѣна 10 коп.

Мальчикъ и рысь. Съ 20 рисунками. Цѣна 10 коп.

Медвѣжонокъ Джонни. Изд. 2-е. Съ 38 рисунками. Цѣна 15 коп.

Мустангъ-иноходецъ. Съ 28 рисунками. Цѣна 10 коп.

По слѣду оленя Песочной горы. Съ 60 рисунками. Цѣна 18 коп.

Рваное-Ушко. Исторія одного кролика. Съ 26 рисунками. Цѣна
13 коп.

Серебряное-Пятнышко. Исторія вороны. Съ 16 рисунками. Цѣна
9 коп.

Снэпъ. Исторія буль-терьера. Съ 14 рисунками. Цѣна 10 коп.

Спрингфильдская лисица. Изд. 2-е. Съ 20 рисунками. Цѣна 10 коп.

Тито. Исторія койота, который научилъ своихъ уму-разуму. Съ
49 рисунками. Цѣна 23 коп.

Уличный пѣвецъ. Приключенія воробья.—Странствованіе утки по
сухому пути. Изд. 2-е. Съ 38 рисунками. Цѣна 13 коп.

Въ папкѣ каждая книжка на 10 коп. дороже.

АВТОБІОГРАФІЯ ЗЕМЛИ

Г. Н. Гетчинсона. Общеизвестный очеркъ исторической геологіи. Переводъ съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями М. А. Энгельгардта. Изданіе 3-е. Съ 63 рисунками. Цѣна 80 к.

Вулканическія силы и ихъ проявленія.

Проф. И. Хааса. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями А. П. Нечаева. Съ 45 рисунками. Цѣна 60 к.

Какъ считали люди въ древнія времена.

Вѣры Елачица. Съ 18 рисунками. Цѣна 17 к. Въ папкѣ 27 к.

Содержаніе: Введеніе. — Счетъ по пальцамъ. — Исторія происхожденія цифръ. — Какъ люди изобрѣли нуль. — „Руководство къ познанію всѣхъ темныхъ вещей, всѣхъ тайнъ, сокрытыхъ въ предметахъ“, и другія древнѣйшія руководства по математикѣ.

Химія въ промышленности, жизни и природѣ.

Огюста Перре. Переводъ съ французскаго П. М. Факторовича. Съ 24-мя рисунками. Цѣна 50 к.

Краткое содержаніе: Крупная химическая промышленность и металлургія. — Химія питанія. — Химія домашняго обихода. — Медицинская и фармацевтическая химія. — Химія въ лабораторіи. — Анализъ и синтезъ. — Химія жизни. — Жизнь клѣтки. — Жизнь высшаго организма. — Матерія и энергія.

ЧЕГЛОКЪ, А.

Разсказы изъ родной природы

Чужимъ трудомъ. (Поморники). Съ 4 рис., ц. 5 к.

Шунгакъ-Куль. (О чайкахъ). Съ 7 рис., ц. 7 к.

Бѣлая цапля. Съ 6 рис., ц. 5 к.

Устыдили. (Про дрофъ). Съ 5 рис., ц. 6 к.

Кильмекъ и выдра. (Разсказъ). Съ 6 рис., ц. 5 к.

Волкъ-путешественникъ. (Сказка). Съ 4 рис., ц. 5 к.

Необыкновенный случай. (Изъ жизни дик. кошекъ). Съ 5 рис., ц. 6 к.

Выручилъ. (О куницахъ). Съ 4 рис., ц. 7 к.

Кротъ. (Разсказъ). Съ 3 рис., ц. 5 к.

Дурной лань. (О тушканчикѣ). Съ 3 рис., ц. 5 к.

Экономъ. (Изъ жизни хомяковъ). Съ 2 рис., ц. 5 к.

Чабанъ Бодро. (О баранахъ). Съ 6 рис., ц. 5 к.

Ужинный царь. (Объ ужахъ). Съ 5 рис., ц. 5 к.

Носикъ. (Болотная дымчезвѣзъ). Съ 5 рис., ц. 5 к.

Щурка золотистая. (Разсказъ). Съ 6 рис., ц. 5 к.

Юла. (Лѣсной жаворонокъ). Съ 6 рис., ц. 5 к.

Перепелъ. Съ 6 рис., ц. 5 к.

Бѣлый татаревъ. (Разсказъ). Съ 9 рис., ц. 5 к.

Ястребъ перепелятникъ. (Изъ записокъ художницы). Съ 5 рис., ц. 6 к.

Пугачъ. (Изъ жизни филиновъ). Съ 6 рис., ц. 6 к.

ЗАПОРОЖЦЫ ВЪ САРАГОССѢ.

Историческій романъ для юношества *М. Д. Ордынцева-Косирицкаго*. съ 50 рис. *К. Н. Фридберга*. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 40 к.

РАЗСКАЗЫ СИБИРЯКА.

В. Анучина. — С О Д Е Р Ж А Н І Е: «Уважили». — «Тайга и рить» — «Худо есть». — «Судебное дѣло». Изд. 2-е. Ц. 15 коп.

Разсказы и сказанія

В. Анучина. Кн. I. Сказанія. Изд. 3-е. Ц. 50 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА.

Бичеръ-Стоу. Полный переводъ *А. А. Рагозиной*, подъ редакціею *Д. А. Коропчевскаго*. Съ 68 рисунками. Ц. въ изящной обложкѣ 80 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Приключенія и путешествія БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

какъ онъ рассказывалъ ихъ самъ въ дружескомъ кругу. Переводъ съ нѣмецкаго *Ө. Нѣмцева*. Съ 29 рисунками. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р.

КАЛЕВАЛА.

Финскія народныя былины. Пересказалъ *Н. А. Борисовъ*. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р.

ДОНЪ-КИХОТЪ.

Сервантеса. Сокращенный переводъ для юношества. Съ краткимъ очеркомъ жизни Сервантеса, его портретомъ и 43 рисунками. Изданіе 4-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкоров. переплетѣ 1 р.

ФАКТЕА.

Повѣсть изъ древней римской и греческой жизни *Е. Анны*. Съ 8 отдѣльными рисунками. Изд. 5-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р.

Расходы по пересылкѣ относятся на счетъ выписывающихъ.

Каталогъ книжнаго магазина *П. В. Луковникова* по требованію
высылается бесплатно.